

Как сказать человеку, что вся его семья в опасности? Что всё, что стоит между ними и неминуемой гибелью — это всего лишь несколько недель?

Я подумал о возможности пробраться обратно в дом через окно, но какой в этом смысл?

Кильвиус посмотрел на меня, когда я вошел в парадную дверь. — Смотри, милая. Он жив.

— А я уже думала, что мне придется объяснять Совету, как наша семья потеряла самого важного гостя, посетившего нас за последние десять лет. — Неттари цокнула языком.

Эмоции пылали в моей груди. Хотелось отшутиться. Сделать вид, что всё в порядке. Отложить этот разговор еще на один день. Но тела продолжали мелькать перед глазами, распластанные по полу.

«Всегда есть что-то еще, что можно было бы сделать».

Я воспротивился словам отца. Он был неправ. В первый раз я не был виноват. Возможно, следовало быть более бдительным, но мои усилия были бы настолько бесцельными и бесполезными, что, скорее всего, ничего бы не изменили.

Нет. Первый раз я не был виноват. Но каждый последующий раз виноват был я. Ответственность за всё это лежала на мне, и только на мне.

Мой кулак сжался, и я посмотрел на пол.

Пустые глаза Кильвиуса взирали на меня, растерянные, обиженные. Он потянулся к холодному телу своей жены.

Я сдержал слёзы.

Неттари с медленным скрипом закрыла открытый ранее шкаф. Она медленно подошла ко мне, потянув Кильвиуса за рукав. — Кэрн. Что случилось?

Медленно, скрипя костяшками пальцев, я разжал кулак.

— У меня было видение.

В течение следующего часа я медленно рассказывал им подробности. Это было утомительно и болезненно, словно ступать по битому стеклу. На почти фундаментальном уровне это противоречило всему, чего я пытался достичь в этой семье. Я не хотел их беспокоить. Хотел, чтобы они были в безопасности, были счастливы. Сначала они не восприняли меня всерьез.

Лицо Кильвиуса было оживленным, он внимательно прислушивался к каждой порции информации. Однако выражение лица Неттари становилось все холоднее и холоднее.

Нетрудно было перечислить конкретные детали. Я видел многое из увиденного каждый раз, когда закрывал глаза. Когда я дошел до деталей того, что произошло, когда я оказался в этом доме, эти детали стали туманнее.

И Неттари сразу это заметила.

— А с какой стороны ты подошел к дому? — спросила Неттари, ее голос был прерывистым.

— Спереди.

— Значит, подошёл спереди. Кто-то вышел. Аурическое красное солнце означает чрезвычайное положение — включено, так что света должно быть достаточно. За короткое время между тем как ты увидел его и пригнулся, не увидел его лица?

— Нет. — сказал я.

— Значит, какой-то инфернал просто зарезал мою семью и спокойно вышел из дома.

— Трудно сказать, был ли это инфернал или нет.

Бровь Неттари поднялась вверх. — Странное замечание, учитывая, что мы составляем подавляющее большинство населения анклава.

— Неттари... — начал Кильвиус, но она подняла руку, заставляя его замолчать.

— Кэрн, я была поверенной почти двадцать лет. Достаточно долго, чтобы понимать, когда кто-то мне лжет, — сказала Неттари. Это был очень близкий тон к тому, который я слышал от нее в разговоре с Гемоном на моем слушании.

— Все, что я сказал, правда.

— Я также занимаюсь этим достаточно долго, чтобы знать, что существует более одного вида лжи. Ложь посредством недомолвок, например.

— Это только запутает. — Я вцепился в край стула, костяшки пальцев побелели.

— Как может личность человека, убившего моих детей, повлиять на дело, кроме как способствовать раскрытию?

Кильвиус посмотрел на нас, чувствуя напряжение. — Неттари пытается сказать, что...

— Я ничего не пытаюсь сказать, Кильвиус, — тихо сказала Неттари. — Я говорю это. Кэрн утаивает информацию, несмотря на всю серьезность ситуации. Я очень хочу выяснить, что это за информация.

Разумеется, она права. То, что я скрываю сейчас, не имело никакого рационального обоснования. Тот факт, что кто-то выдает себя за меня, был жизненно важной информацией. Но с другой стороны, я знал, как это будет выглядеть. Кильвиус и Неттари начали спорить, Кильвиус обвинял Неттари в излишней настойчивости, а Неттари настаивала, что именно сейчас самое время проявить настойчивость.

— Он был похож на меня, — прошептал я.

Спор прекратился, и они оба повернулись, чтобы посмотреть на меня.

— Нет. Он не просто был похож на меня. Его глаза. Его волосы. Все было таким же. Как будто я посмотрел в чертово зеркало. Но я клянусь Эльфионом, это был не я. Я бы никогда не сделал того, что сделал двойник, никогда не смог бы, это последнее, чего бы я хотел.

— Эти видения. Моя дочь говорила о них. Они ограничены в масштабах, да? — мягко спросила Неттари. — Всегда с твоей точки зрения?

— Да, — сказал я. — Я вижу глазами своего будущего «я». А будущее никогда не бывает определенным.

На лице Неттари появилось озабоченность. — Я понимаю, почему ты не хотел говорить нам об этом.

— Да, — сказал я с горечью. — Это совсем не выставляет меня в лучшем свете.

— Думаю, совершенно ясно, что Кэрн никогда бы не причинил нам вреда намеренно. — Кильвиус положил руку мне на плечо и слегка сжал. Его ответ был неудивительным, но в то же время утешил меня.

— Да, но что это нам дает? — Неттари подперла кулаком подбородок, ее внимание переместилось на меня. — Заклинание симулякра появляется только в легендах и баснях. Никогда не было зарегистрировано ни одного мага, способного создать живое существо с нуля. Мы ограничены созданием живой, ходячей иллюзии, которая может как-то взаимодействовать с окружающей средой.

— Это может быть закрепленная иллюзия. Просто меняющая внешний облик. Это будет намного дешевле, по сравнению с любым из этих двух вариантов, если предположить, что заклинание симулякра вообще существует, — добавил Кильвиус.

Я посмотрел на них, внезапно почувствовав такое облегчение, что мне показалось, будто я могу упасть.

— Вы оба... принимаете это на удивление спокойно.

— Естественно, мы обеспокоены, Кэрн, — Неттари покачала головой, — ты говоришь о неминуемой катастрофе. Такой, которая может стать концом моей семьи и моего народа. Но паника ничего не даст. Особенно сейчас.

— В inferнальной культуре стрелять в гонца — плохая примета, — пошутил Кильвиус.

— И я думаю, что ты уже сделал правильный вывод. — Выражение лица Неттари было суровым. — Кто-то пытается подставить тебя. Что может быть лучше, чем убить людей, которые признаны твоими союзниками? Ты никогда не видел Ралакоса в этом видении?

Я был ошеломлен ее прагматизмом.

— Нет.

— Можно с уверенностью сказать, что он тоже числится в этом списке. Вероятно, он умер вскоре после нас или раньше. Он один из самых могущественных inferналов в анклав, поэтому мысль о его поражении показалась бы смешной в обычных обстоятельствах, но в масштабах того, что ты описываешь... — Неттари прервалась.

— Это меня и беспокоит, — вклинился я. — Майя упомянула, что демоны обращаются против inferналов невероятно редко, и это влечет за собой огромные последствия. Что может убедить целый легион пойти на такой огромный риск?

— Возможно, поддержка кого-то из высокопоставленных лиц. — Лицо Кильвиуса помрачнело. Наверху послышались шаги, и Джорра начал спускаться.

— Джорра, — предупредила Неттари, — иди проверь Агарина. У нас важный разговор.

— Что за важный разговор? — Джорра остановился на полпути вниз по лестнице, затем, казалось, оценил атмосферу в комнате. Не говоря ни слова, он развернулся и направился обратно, бросив на меня любопытный взгляд через плечо.

Неттари выглядела обеспокоенной.

— Кильвиус отчасти прав. Как бы ни были жестоки асмодиалы, нужен кто-то с большим влиянием, чтобы заставить их даже подумать о подобном действии. Но это только часть дела.

— Привязанность? — спросил Кильвиус.

— Должно быть, да. — Неттари глубоко вздохнул. — Единственная причина, по которой ас модиалы могут согласиться на что-то подобное, это если человек, о котором идет речь — скорее всего, Гемон, согласится на привязку.

— Но зачем ему связываться с ас модиалом? — спросил я.

— Ты неправильно понял. Он бы не стал. Для чего-то такого масштаба, способного вызвать потрясения такого уровня, ему пришлось бы связать себя с ними. Скорее всего, с архи-жрецом. — Неттари выглядела болезненной.

Кильвиус отреагировал на это весьма нервно, откинувшись в кресле.

— Что именно это значит? — спросил я.

— Это самое недальновидное, что может сделать инфернал. — Кильвиус покачал головой. — Когда инфернал умирает, он попадает в ад. Лучшие из нас остаются там лишь на несколько мгновений, прежде чем перевоплотиться, попасть в другое тело и начать жизнь заново. Злые существа, по-настоящему злые, могут провести там столетия. Но даже они, в конце концов, возвращаются. Но у демонических легионов нет такого цикла. Они существуют главным образом в Аиде, где борются за территорию и господство. Это бесконечная битва.

— Если кто-то связывает себя с демоном, он посвящает себя вечной бессмысленной борьбе, становясь солдатом в армиях легионов. — Неттари пожевала губу, выражение ее лица было озабоченным.

Было интересно, насколько параллельны их верования с эльфийскими религиозными представлениями о загробной жизни. Только, в отличие от эльфов, у инферналов не было никаких шансов достичь небытия. Их целью было прожить достойную жизнь, чтобы сократить время пребывания души в загробном мире.

Это было не так уж непохоже на человеческие мифы о Вальхалле, только люди, похоже, воспринимали идею бесконечной битвы как нечто положительное, как честь, предназначенную для тех, кто заслуживает самого высокого уважения. Год назад я мечтал о Вальхалле. Утром — «славная битва» вместе с полубогами, а вечером — банкеты и отдых с Лилиан в залах Элизиума.

Но это было до того, как я узнал, что на самом деле представляет собой сражение. Это все изменило.

Главное различие между Аидом и Вальхаллой заключалось в следующем: инферналы не притворялись, что это не то, что есть на самом деле. Вечные муки и кровопролитие. Если бы

был выбор, я бы с радостью выбрал залы Элизиума вместо Вальхаллы.

— Зачем Гемону делать что-то настолько необдуманное ради такой краткосрочной выгоды? — спросил я. — Если уж на то пошло, зачем так жестоко нападать на его же народ? Есть более простые способы подставить меня, если это его цель.

— В сторону мотивы, у нас есть проблемы поважнее. — Неттари встала и посмотрела в окно. — Члены Высшего совета подвергаются тщательной проверке, в основном для того, чтобы предотвратить именно такие события. Существуют защиты, позволяющие установить, продал ли инфернал свою душу. Есть также защитные механизмы, которые должны сработать в случае восстания. Все члены высшего совета могут активировать их с помощью магии, как и сам совет, если он наберет большинство голосов.

— Но этого не произошло. Значит, вы хотите сказать, что для того, чтобы видение осуществилось... — размышлял я.

— Все члены Высшего совета, кроме Гемона, должны быть мертвы. Но есть и положительный нюанс — это значит, что привязка еще не произошла. Нападение на анклав еще не предпринято. — Неттари мрачно улыбнулась. — Но это слишком большая проблема для нас, Кэрн. Необходимо привлечь Ралакоса.

Я заколебался.

— Но, утечка...

— Знаю, — сказала Неттари. — Думаю, я смогу внушить ему необходимость соблюдения секретности. Он немного скептик, так что, вероятно, лучше оставить происхождение информации при себе. — Она потерла переносицу. — Если бы Майя не была так абсолютно убеждена в этом, я бы, скорее всего, тоже не поверила. Но в этой истории слишком много деталей, которые ты никак не можешь знать. Мы придумаем для него какую-нибудь историю. Мне нужно подумать над этим. Если есть возможность, нам нужно найти асмодиала вне компетенции мастеров.

Я кивнул. — Уже работаю над этим. Вчера вечером я начал создавать информационную сеть, она небольшая, но растет. И у меня есть контакт в Тулианском районе, он может оказаться полезным. С золотом в конце концов возникнет проблема, но у меня есть несколько идей, как ее решить.

Они оба медленно повернулись и посмотрели на меня.

— Кэрн, когда именно у тебя было видение? — спросил Кильвиус.

— Вчера. Вскоре после того, как мы оставили Майю у подъемника.

— Ну, он не теряет времени даром. — Кильвиус рассмеялся.

— Он должен был кое-что сказать. — Неттари осуждающе посмотрела на меня. — Что это за контакт, который ты завел, когда рыскал по Тулианскому району, как непутевый юнец?

Я неловко передернулся при воспоминании. — Ее зовут Персефона.

Атмосфера в комнате сразу же стала напряжённой. Неттари посмотрела на Кильвиуса. Кильвиус безучастно смотрел на стол, рисуя пальцами узоры на нем.

— Это ты подсказал? — начала Неттари.

— Нет, — сказал Кильвиус.

— Уверен?

— Ни слова о ней не сказал, не думал о ней годами.

— Значит, из всех баров в округе он случайно наткнулся на ее?

— Я бы не стал тебе врать, Ниленд.

Я прочистил горло.

— Чувствую, что здесь кроется какая-то история.

Кильвиус попытался посмотреть в глаза Неттари, но она отвернулась к оклеенной обоями стене. Он вздохнул.

— Когда-то давно я жил совсем другой жизнью. Персефона была ее частью. Потом женился на Неттари. И теперь у меня трое прекрасных детей. Конец.

Я уверен, что мог бы заполнить тома тем количеством историй, которые Кильвиус упустил, но решил, что лучше не испытывать судьбу, по крайней мере, в присутствии Неттари.

Далее мы вкратце обсудили дальнейшие действия. Неттари привлечет Ралакоса к нашему маленькому секрету. Эфиру лучше пока избегать, пока мы не выясним ее положение. Неттари считала, что она, скорее всего, в конце концов встанет на нашу сторону, поскольку массовая резня повсеместно плохо сказывается на бизнесе. Гемона и его подчиненных следовало избегать любой ценой. Я продолжал работать с Персефой, пытаюсь выйти на асмодиалов, несмотря на протесты Неттари. А Кильвиус поможет мне связаться с некоторыми из его

старых контактов, хотя я всё еще немного не понял, как именно это понимать.

— Есть еще какие-нибудь новости, чтобы бросить их словно бомбы, Кэрн? Пока завтрак не превратился в обед? — сурово спросила Неттари.

Раз уж она упомянула об этом, оставалось еще кое-что.

— О. У меня также произошло второе пробуждение.

Напряжение спало. Неттари вскинула руки и ушла, а Кильвиус рассмеялся.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2449531>